

СТЕНОГРАММА.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ЗИНОВЬЕВА, Григория Евсеевича,

22 декабря 1934 г.

ВОПРОС: Следствие снова требует от Вас, как и на Вашем допросе от 19/ХП, рассказать все, что Вам известно, об организации среди быв.участников, так называемой, зиновьевской оппозиции в Ленинграде, о московском центре этой организации и о Вашей роли во всем этом?

ОТВЕТ: В 1927-28 г.г. в Ленинграде была подпольная организация зиновьевцев, существовавшая параллельно партийной организации, со своими районами, связью и т.д. Но затем элементы организации тают и после 1929 года организации уже не было. То, что осталось в Ленинграде от бывшей организации зиновьевцев в течение первого времени могло рассматривать находившихся в Москве - меня, КАМЕНЕВА, ЕВДОКИМОВА, БАКАЕВА и других, как известный "моральный" центр. Но в действительности никакого московского центра не было.

Что было в эти годы?

После ХУ-го съезда ВКП/б/ у меня, в связи с выступлением правых, были надежды на будущую перегруппировку в партии, на дискуссию. Мне хотелось, между прочим, и поэтому, чтобы молодежь из безвозвращенцев /РУМЯНЦЕВА, КОТОЛЫНОВА и др./ вернулась в партию и сошла с того пути, на который она стала после разрыва с "зиновьевцами". Возможно, что в Ленинграде, когда я был там в 1929 г., была беседа с лицами, названными на допросе /РУМЯНЦЕВ, МАНДЕЛЬШТАМ, ЛЕВИН и др./, и, если беседа была - то

в смысле записи, найденной у ШВАЛЬБЕ.

Были уговоры с моей стороны КАМЕНЕВА и других: "Идите в партию, сохраняйте силы, они понадобятся для борьбы с правыми".

В 1929^г и у меня и у КАМЕНЕВА надежды на то, что нас "позовут" для участия в руководстве партией - усилились было, в связи с борьбой партии с правыми. Это был, конечно, целый клубок настроений. С одной стороны - мы сидели почти без работы или на такой работе, которая нас не удовлетворяла, и о политике партии мы узнавали из газет, с другой стороны - ход коллективизации и рост промышленности одни только и создали решающие условия для удара по правым. Моя политическая линия в общем совпадает в это время с линией партии. Но мне не хочется в это время просто, как рядовому, идти под руководством ЦК, а договариваться с ЦК как "держава"; все еще не исчезают надежды на возможность участия в руководстве.

Только на фоне подобных настроений стал возможен инцидент со СТЭНСОМ. Мне казалась слишком мелкой моя роль, если бы я пошел "донести" об этом. Я рассуждал так: почти 30 лет я знал все, что делается в партии и считал, что имею право знакомиться с любым материалом, ведь дальше меня он не пойдет. Конечно, я был неправ. Я неоднократно виделся с руководящими работниками партии и Советского Правительства, перед поездкой в Калугу, после возвращения оттуда, после возвращения из Кустаная. Товарищи знали о подпольных методах борьбы, с которыми я раньше был связан, но никто не задавал мне вопроса - скажи, кто эти люди, как работали, назови имена! Как-то молчаливо считалось, что, если политически я подчиняюсь, то это все отпадает.

Что в Калугу с 1928 по 1929 г. ко мне и КАМЕНЕВУ ездили лица, упоминаемые в показаниях, всем было известно. Конечно, это было почти открытое продолжение фракционной работы. Но, по возвращении

оттуда, меня никто об этом не спрашивал. Я не считаю себя безгрешным. Но дело все-таки не только в индивидуальных моих чертах, а в том, что труден и почти невозможен сколько-нибудь безболезненный переход от моей роли в партии в прошлом, к положению, которое сложилось для меня потом. Отравленный сознанием той роли, которую я раньше играл, я старался, вопреки всему, быть в гуще политики и не понимал, что, после моей борьбы с партией, после моих колоссальных политических ошибок, возможен был только переход на позиции рядового члена партии. Не один я был в таком состоянии.

В большей или меньшей степени, это относится ко всей группе бывших руководителей "стариков" ленинградцев, бывших вместе со мной в оппозиции. Образовалась целая группа таких людей. Отчасти основано это было на личной связи, а, главное, на общности положения и недовольства этим положением. Наибольшая вспышка этих настроений у нас после ХУ съезда - это выступление правых. - "Мы говорили, мы предупреждали партию, пострадали зря" и т.д. - вот какие настроения были тогда у меня и у других.

Я не понял, что разоблачение БУХАРИНА, РЫКОВА, ТОМСКОГО и др., как оппортунистов, совсем не значило, что меня можно политически амнистировать, а тем более вознести. Я не понял, что и в вопросе о том, как, когда, и какими методами, можно разбить правых, оказался целиком прав ЦК, а не я. Посылка в Центросоюз меня, конечно, не удовлетворила, я сначала считал, что вопрос - нескольких месяцев и меня призовут к руководящей работе. Такие настроения сначала в 1929 году были не только у меня. Неоднократно я клялся партии в верности, и, в общем, вполне разделял генеральную линию с 1929 года, а сам до 1932 года оставался все-таки с психологией человека, который чувствует себя в чем-то, хотя-бы частично, все-таки правым.

В этом основное.

Такие настроения не могли быть секретом для всяких оппозиционных групп в партии, рассчитывавших на то, что эти люди себя еще "покажут".

Такие настроения, о которых выше показываю, оставались у меня до 1932 года. Естественно, что при таких настроениях ругали и партийное руководство и персонально т. СТАЛИНА. Но со времени возвращения из Кустаная - нездоровых настроений у меня не было. Я ни с кем не встречался, антипартийных разговоров не вел, ни о какой организации не знаю и о существовании центра также не знаю.

ВОПРОС: К протоколу Вашего допроса от 19-го декабря Вы сделали приписку о том, что ряд лиц, как РУМЯНЦЕВ, КОТОЛЬНОВ, МАНДЕЛЫШТАМ и др., о которых Вас спрашивало следствие, уже после 14-го съезда порвал с группой бывшей ленинградской оппозиции и образовал тогда особую группу "безвозвращенцев" или "левых". Дайте по этому поводу объяснения следствию.

ОТВЕТ: Эти лица, как заявило мне следствие - члены центра ленинградской организации, к которой я, якобы, принадлежал. Я считал, что одним из аргументов против этого могут быть указания на то, что эти люди разорвали со мной и с моими единомышленниками. В момент разрыва они были гораздо ближе к троцкистской группе, с которой мы тоже порвали, чем к группе, к которой я тогда принадлежал.

ВОПРОС: Показаниями РУМЯНЦЕВА, КОТОЛЬНОВА и МАНДЕЛЫШТАМА, на которых Вы ссылаетесь в своей приписке к протоколу от 19-го декабря, устанавливается, что дальнейшая борьба с партией и Советским Правительством, которую вели перечисленные лица, стерла враждебные разногласия их с Вами. Ваше же письмо от 13-го

июня 1928 г., адресованное к РУМЯНЦЕВУ, подтверждает, что разногласия были ликвидированы, и была восстановлена связь этой группы, так называемых, "безвозденцев" с Вами.

Что Вы можете показать, в связи с этим?

ОТВЕТ: Никого из них я больше не видел. Письмо мое, обращенное к РУМЯНЦЕВУ, подтверждает, напротив, наличие разногласий /иначе - почему бы мне его уговаривать/ и, так как я решительно ничего не знаю, что с ними было после этого, какую они борьбу вели, - то я ничего не могу сказать.

ВОПРОС: Вы говорите, что эти люди откололись после XIУ-го съезда и, этим самым, автоматически прекратилась связь, а, между тем, Вы снова устанавливаете с РУМЯНЦЕВЫМ связь. Следствие констатирует тут явную неувязку.

ОТВЕТ: Вы спрашиваете насчет письма. Я говорю, что некоторых из них я знал лично... РУМЯНЦЕВА я считал тогда ценным человеком, рабочим парнем, который попал на бездорожье. Я пытался уговаривать его. Никаких встреч с ним после этого не было, и что он представлял собой дальше - меня не интересовало.

ВОПРОС: РУМЯНЦЕВ представлял для Вас интерес не сам по себе, а потому, что он был связан с группой молодежи. Как видно из показаний РУМЯНЦЕВА, Ваше письмо к нему и имело ввиду сохранить его и группу молодежи, связанную с ним, под Вашим влиянием. Последующее возвращение РУМЯНЦЕВА в партию тоже проходило не в индивидуальном порядке. Вел он переговоры с б. ЦКК сообща с ТАРАСОВЫМ и КОТОЛЬНОВЫМ, возглавлявшими молодежную группу б. оппозиционеров-зиновьевцев. Направлялись они непосредственно КАМЕНЕВЫМ, кстати, редактировавшим их заявление в ЦКК, носившее, как они сознались в этом, двурушнический характер. В этой связи Ваше письмо к РУМЯНЦЕВУ

преследовало явно двурушнические цели. Подтверждаете ли Вы это?

ОТВЕТ: Все возможно, допускаю, что они и двурушничали, но я звал РУМЯНЦЕВА в партию без всякой задней мысли. Я многих людей уговаривал вернуться в партию.

ВОПРОС: Говорили ли Вы что-либо и когда ГОРШЕНИНУ о существующей в Ленинграде организации зиновьевцев?

ОТВЕТ: В 1928 г. я мог говорить, но, если речь идет о событиях более позднего времени - тогда нет. В конце 1928 года - допускаю.

ВОПРОС: Показаниями ГОРШЕНИНА от 19-го декабря установлено, что в конце 1928 г. Вы говорили ему о существовании в Ленинграде законспирированной организации из бывших членов, так называемой, зиновьевской оппозиции, во главе которой стоят ЛЕВИН Владимир и РУМЯНЦЕВ Владимир. Вы характеризовали ГОРШЕНИНУ эту организацию, как воинственно настроенную. Подтверждаете ли Вы это?

ОТВЕТ: Нет, не могу подтвердить.

ВОПРОС: Откуда же ГОРШЕНИН это берет?

ОТВЕТ: Такого момента вообще не было. Не было этого даже в самые худшие времена антипартийной борьбы.

ВОПРОС: На основе всех материалов, имеющихся в распоряжении следствия, и материалов Вашего допроса, совершенно очевидна Ваша организационная связь с ЛЕВИНЫМ, РУМЯНЦЕВЫМ и др.. Следствием устанавливается, что не только с Вашего ведома, но и по Вашим указаниям в Ленинграде возникла и оформилась организация из бывших участников, так называемой, зиновьевской оппозиции.

Следствие настаивает на правдивом ответе о Вашей действительной роли в создании организации из бывших участников, так называемой, зиновьевской оппозиции.

- 7 -

ОТВЕТ: Я говорил сегодня подробно, что никакой организации у меня не было и быть не могло, и я не участвовал в ней, что на рубеже 1928-29 г.г. действительно были надежды на возвращение к руководящей работе в партии и на этой почве было порядочно разговоров. Мои настроения и отношение к этому больше всего отражены в записи, которая потом взята была УШВАЛЬБЕ и находится в Ваших руках. Была надежда на новую дискуссию, рассчитывали даже на то, что меня и товарищей могут вернуть в Ленинград для борьбы с правыми. В этом смысле настроения могли быть, но до создания какой-либо организаций было далеко.

ВОПРОС: Знаете ли Вы РЭМА, Михаила Семеновича?

ОТВЕТ: З н а ю.

ВОПРОС: Показаниями РЭМА от 22 декабря устанавливается, что в 1928 г. по вопросу о необходимости возвращения в партию бывших участников, так называемой, зиновьевской оппозиции, Вы лично ему говорили: "Большевики в свое время входили в такой хлеб, как думя. БАДАЕВ крест целовал, а вы в борьбе хотите выглядеть чистенькими".

Подтверждаете ли Вы этот разговор с РЭМОМ, и признаете ли Вы, что он являлся установкой на возвращение в партию, с целью обмана партии?

ОТВЕТ: Я не помню разговора с РЭМОМ совсем; я не могу сейчас сказать даже, что и он был из числа тех, которые не хотели возвращаться в партию. Чтобы я мог употребить такое неслыханное

сравнение, как сравнение партии с хлебом, с целованием креста, - то нет, я думаю, что даже в самые худшие дни своих антипартийных выступлений не делал этого.

ВОПРОС: В протоколе Вашего допроса от 19-го декабря, на поставленный Вам следствием вопрос, основанный на показаниях ЕВДОКИМОВА, Вы ответили, что ни с кем о составлении и подаче антипартийного письма в ЦК ВКП/б/ по поводу, якобы, тяжелого экономического положения в стране, никаких переговоров не вели. Показаниями БАКАЕВА от 21-го декабря установлено, что летом 1932 года Вы лично обсуждали с ним целесообразность составления коллективного письма в ЦК ВКП/б/ об имеющихся, якобы, трудностях в стране и необходимости потребовать от ЦК информации об этом членов партии.

Следствие предлагает Вам дать правдивый ответ на этот вопрос.

ОТВЕТ: Этого не было и не могло быть.

ВОПРОС: Утверждаете ли Вы, что разговора с БАКАЕВЫМ не было?

ОТВЕТ: Не было и не могло быть такого предложения с моей стороны. Не было еще и потому, что ведь это был бы метод 1927 года. Я это исключаю совершенно.

ВОПРОС: Видели ли Вы БРАВО в 1932 г., где именно и какой характер носила беседа с ним?

ОТВЕТ: Видел его в Ильинском. Больше всего запомнился разговор его о своих впечатлениях в деревне /он ездил по хлебной мобилизации/. Это были типичные разговоры этого года: затруднения и т.д.

ВОПРОС: Передавал ли Вам БРАВО информацию о положении в деревне?

ОТВЕТ: Зачем так - "информацию". Он рассказывал впечатления от того, что видел. Я не помню, где именно он был.

ВОПРОС: Давали ли Вы оценку положению в деревне и какую именно?

ОТВЕТ: Не помню. Вероятно, расспрашивал об его впечатлениях.

ВОПРОС: Показаниями БРАВО от 19-го декабря установлено, что в августе 1932 г. он вместе с ЕВДОКИМОВЫМ был у Вас на даче в Ильинском, где застал Вас с КАМЕНЕВЫМ, КУКЛИНА и еще одного неизвестного. В результате разговора с БРАВО, работавшего в комитете заготовок при СТО, Вы отрицательно оценивали положение в стране, в частности, сделали вывод, что следует ожидать общего ухудшения продовольственного положения в стране. Подтверждаете ли Вы это?

ОТВЕТ: Не могу подтвердить. Какой я знаток в продовольственных затруднениях? Конечно, в 1932 г. трудности были серьезные.

ВОПРОС: Какие же выводы Вы делали из этого?

ОТВЕТ: В 1932 году? Какие особенные выводы я мог делать? Вероятно, смотрел на это так, как все смотрели: дело будет зависеть от дальнейших урожаев, прежде всего, и затем от успехов коллективизации.

ВОПРОС: Расскажите о характере Вашего разговора с ГОРШЕНИНЫМ, имевшем место в августе 1932 года, после его возвращения из поездки в Западную Сибирь?

ОТВЕТ: Не помню - ездил ли он в Западную Сибирь, и затрудняюсь вспомнить разговор.

ВОПРОС: Показаниями ГОРШЕНИНА от 21-го декабря установлено, что, после возвращения его из поездки в Западную Сибирь, он информировал Вас о результатах этой поездки. В разговоре с ГОРШЕНИНЫМ Вы высказали мнение, что политика индустриализации и коллективизации страны проводится с огромнейшими

непроизводительными издержками для страны, терпящей непосильные лишения, которые при другом руководстве можно было бы избежать.

Подтверждаете ли Вы это?

ОТВЕТ: Вспоминается, что он довольно пессимистически рассказал из того, что видел, но по этому поводу охаивать политику индустриализации и коллективизации я ни в коем случае не мог. В 1932 г. я вообще в политике индустриализации и коллективизации, как она проводилась ЦК, не сомневался и не мог сомневаться. Не понимал отдельных мер, о которых скажу особо.

ВОПРОС: Показаниями ГОРШЕНИНА устанавливается, что в конце 1933 года фашистский переворот в Германии и приход к власти ГИТЛЕРА, Вы, лично, объяснили ему неправильной политикой Коминтерна и ЦК ВКП /б/, облегчившим приход к власти ГИТЛЕРА.

Подтверждаете ли Вы это?

ОТВЕТ: Ни в коем случае не могу подтвердить это. Я достаточно писал о фашистском перевороте и приходе Гитлера к власти; считался, до известной степени, специалистом по этому вопросу и, действительно, изложил то, что думал по этому поводу.

ВОПРОС: Показаниями того же ГОРШЕНИНА устанавливается, что в 1934 г., после венского восстания, и во время событий в Испании Вы давали ему отрицательную оценку политики Коминтерна, как неправильной и негибкой.

Подтверждаете ли Вы это?

ОТВЕТ: Я могу сослаться на то, что я подробнейшим образом писал по поводу венского восстания. Не было этого.

ВОПРОС: В протоколе от 19-го декабря Вы говорили о своем свидании с САФАРОВЫМ. Расскажите о месте встречи с ним, характере беседы, и предлагали ли Вы САФАРОВУ установить с Вами систематическую связь?

ОТВЕТ: Место беседы было в Ильинском; характер беседы был, - помнится, он рассказывал о поездке в какую-то из национальных республик, кажется, Казакстан; рассказывал о громадных излишествах тамашней коллективизации. В очень возбужденном тоне говорил об этом. О прошлом, о прошлой борьбе говорили совсем мало. В общем, беседа была насыщена темами 1932 года, т.-е. трудностями. Что я мог предложить ему бывать у меня - это я допускаю, но ни о какой "связи" не было речи.

ВОПРОС: Показаниями САФАРОВА от 20 декабря устанавливается, что летом 1932 г., при встрече с Вами у Вас на даче в Ильинском, Вы говорили ему, что страна испытывает чувство тревоги перед трудностями, что в стране нарастают элементы недовольства, клеветнически отзывались об ориентированности партии, о положении в стране и т.д..

Что Вы можете по этому поводу сказать?

ОТВЕТ: Все зависит от формулировок. Конечно, о трудностях 1932 года говорилось, но не в таком контексте, что политика в целом неверна, - не было этого. Что отдельные сведения из отдельных районов вызывали тревогу, были известные головотяпства, которые партия поправляла, - это я допускаю, но говорить, что политика руководства неверна - этого не было. Я не хочу этим сказать, что я в 1932 г. был вообще безгрешен. У меня были отдельные нездоровые настроения, колебания, связанные с трудностями, которые страна тогда переживала. -

Г.ЗИНОВЬЕВ.

ДОПРОСИЛИ: ЗАМ НАРКОМА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР -

/АГРАНОВ/

ЗАМ НАЧ СПО ГУГБ НКВД СССР

/ЛЮШКОВ/